

— Довольно, — Лян Циншэн протянул руку и похлопал его по плечу, увеличивая дистанцию между ними. В больнице лишние свидетели были ни к чему.

Цы Ханьсун поднял на него влажные глаза, осел на край кровати и часто заморгал, отчего его губы стали казаться ещё ярче.

Лян Циншэн оставался невозмутимым, даже не покраснел. Он сел обратно на стул и посмотрел на парня:

— Возвращайся в общежитие, не трать деньги зря. Я ведь уже дал тебе слово, так что, если захочешь встретиться — просто звони.

— Ты уже всё знаешь? — Цы Ханьсун откинул волосы назад, его голос звучал как-то отстранённо.

— Я спрашивал у медсестры. Твоя лихорадка была вызвана вовсе не тем, о чём ты подумал. — Лян Циншэн не был дураком и прекрасно понимал, к чему тот клонит.

— Оу. Ну, ладно. — Цы Ханьсун и сам планировал сегодня выписаться, поэтому легко согласился. Завтра у него была лекция, которую никак нельзя было пропустить.

Цы Ханьсун занялся переодеванием и оформлением выписки, а Лян Циншэн остался ждать его в больничном коридоре на стуле.

Он уткнулся в телефон и не замечал никого вокруг, пока прямо перед ним не возникла тёмная фигура. Лян Циншэн поднял взгляд.

Перед ним стоял Фэн Ли с покрасневшими глазами, сжимая в руках термосудок — тот самый, в котором он носил еду, приготовленную в общежитии.

Лян Циншэн посмотрел на судок. Когда-то Фэн Ли уже готовил ему еду, используя точно такой же контейнер. Мысли пронеслись в голове, и он быстро сложил пазл.

В ту же секунду к горлу подступила тошнота. Одна лишь мысль о том, что он пользовался одной посудой с этим придурком, вызвала желание вывернуть всё содержимое желудка наружу.

Сделав вид, что не замечает человека перед собой, он встал и направился в сторону.

Фэн Ли поспешно схватил его за запястье. Слезы градом покатались по его чистому, нежному лицу, выражающему глубокую скорбь. Он всхлипнул:

— Брат... почему ты добавил меня в чёрный список?

Лицо Лян Циншэна помрачнело. Он попытался вырвать руку, но хватка была слишком крепкой. Двое парней, выясняющих отношения посреди оживлённого больничного коридора, невольно приковывали взгляды прохожих. Лян Циншэн не хотел дальнейшего физического контакта.

— Отпусти, — холодно бросил он, глядя на него с безразличием.

Фэн Ли сквозь слёзы замотал головой, словно китайский болванчик.

— Брат, я не хочу расставаться... — прошептал он, умоляюще глядя на Лян Циншэна.

У Лян Циншэна на виске запульсировала вена. В его сердце не осталось ни капли жалости, только жгучее раздражение. Он сверкнул глазами:

— Если ты, мать твою, сейчас же не уберёшь руки, я применю силу. Мы в больнице, так что даже времени на вызов скорой тратить не придётся.

Фэн Ли замер, ошарашенно глядя на него, словно не веря, что эти слова могли прозвучать из уст человека, который никогда раньше его не бил.

— Пожалуйста, выслушай меня. Я и Ли Чуаньбо... — он не смог произнести слова о том, что между ними ничего не было, и его пальцы невольно ослабили хватку.

Лян Циншэн смотрел на него с насмешкой. Фэн Ли даже не удосужился скрыть след от поцелуя на своей шее — как у него вообще хватило совести прийти сюда? Лян Циншэн этого не понимал.

Он резко выдернул руку и развернулся, чтобы уйти. Фэн Ли, глядя на удаляющуюся холодную спину, услышал звонок телефона — мелодия звучала как приговор. Ему пришлось остановиться.

— Сяо Ли, ты где? — голос мужчины на том конце провода звучал ледяным тоном.

— Я... я уже подхожу, — Фэн Ли вытер слёзы, прижал к себе термосудок и пошёл прочь. В глубине души он продолжал тешить себя надеждой, что Лян Циншэн злится лишь из-за его связи с Ли Чуаньбо, а раз злится — значит, всё ещё неравнодушен.

Лян Циншэн прождал довольно долго, но так никого и не дождался. Он уже хотел набрать номер, как пришло сообщение:

— Я в туалете в самом дальнем конце коридора. Зайди сюда.

Лян Циншэн нахмурился. Раздражение, вызванное встречей с Фэн Ли, никак не утихло, возмущая спокойствие его души. Сейчас он хотел только одного — вернуться домой, лечь в постель и ни о чём не думать.

Как только он вошёл в туалет, чья-то рука схватила его за запястье. Он инстинктивно хотел дать отпор, перехватив руку нападавшего, но, увидев перед собой Цы Ханьсуна с ледяным выражением лица, расслабился и позволил затащить себя в кабинку.

В больничных палатах были свои уборные, поэтому общественный туалет пустовал, и здесь стояла неестественная тишина.

Лян Циншэн, решив, что парень затеял какую-то игру, нетерпеливо бросил:

— У меня сейчас нет настроения играть с тобой.

Цы Ханьсун прислонился спиной к двери. В его глазах полыхнул холод, лицо исказила гримаса, а голос прозвучал с ядовитым сарказмом:

— Нет настроения играть со мной, зато есть с Фэн Ли? Не унижительно ли это? Он ведь тебя уже бросил...

Ревность ударила в голову, в груди закипал гнев. Кто бы мог подумать — ещё минуту назад он был счастлив, что они вместе, а теперь, увидев, как Лян Циншэн держится за руки с бывшим, он готов был взорваться.

Чем сильнее была радость прежде, тем глупее он чувствовал себя сейчас.

— Что ты сказал? — Лян Циншэн смотрел на него тяжёлым, давящим взглядом. Его глаза, словно лезвия, пронзали кожу парня.

— Я сказал: не унижительно ли это? Он тебя бросил, а ты всё равно лезешь к нему, выставляя себя на посмеище. — Цы Ханьсун не боялся его. В его глазах плясали безумные искры, а выражение лица оставалось холодным и упрямым.

Лян Циншэн протянул руку, впился пальцами в горло Цы Ханьсуна и прижал его к стене. Его суровые черты лица помрачнели, в глазах промелькнула угроза. Он медленно подался вперёд, слегка надавив на горло — не чтобы причинить боль, а чтобы показать своё превосходство.

— Я унижаюсь? Я лезу к нему? — Лян Циншэн усмехнулся. Он похлопал Цы Ханьсуна по фарфорово-белой щеке — это был унижительный, звонкий жест, от которого на коже проступил румянец.

— Кто, мать твою, на самом деле лез ко мне с соблазнами? Ты подобрал то, что выбросил Фэн Ли, и теперь носишься с этим как с сокровищем. Кто из нас унижается, а? — Лян Циншэн

смотрел на него с нескрываемым презрением.

Оба пылали гневом, готовые сжечь друг друга дотла. Они прожигали друг друга взглядами, пока у Цы Ханьсуна не защипало глаза. Он первым опустил веки.

Подавив бешенство, он сжал кулаки. В опущенных глазах читалось упрямое безумие. Он помнил: этот человек поддается только на мягкость.

Цы Ханьсун изогнул губы в усмешке, в его взгляде появилось что-то похожее на скорбь, а голос прозвучал с самоиронией:

— Да, я унижаюсь. Положил глаз на парня своего соседа и всеми правдами и неправдами пытаюсь его соблазнить... И да, я действительно считаю его своим сокровищем.

Видя этот полный страсти и слёз взгляд, Лян Циншэн больше не мог выплескивать на него свой гнев.

Эмоции всё ещё бушевали внутри, и он на мгновение замолчал, поджав губы, а затем разжал руку, которой только что угрожал.

На тонкой коже шеи Цы Ханьсуна остался бледный след.

Снаружи слышались шаги. Кто-то вошёл в туалет. В этот момент оба затаили дыхание, даже не шевелясь в тесной кабинке.

Лян Циншэн опустил голову, выражение его лица было нечитаемым. Цы Ханьсун не сводил с него глаз.

Весь их высокомерный пыл смыло шумом воды из бачка, словно его и не было. Никто снаружи не догадывался, что в кабинке стоят двое мужчин.

Лян Циншэну вдруг показалось, что он ведёт себя как идиот, а их ссора напоминает разборки в начальной школе — они просто тыкали друг друга в самые больные места. Стало неловко, и он захотел выйти.

Но Цы Ханьсун преградил путь. Лян Циншэн поднял на него глаза и глухо произнёс:

— Отойди.

— Не отойду. — Цы Ханьсун не сдвинулся с места. Его глаза покраснели, но это не была та хрупкая краснота, что раньше — в них читалось упрямство и безумие, которое он даже не пытался скрыть.

Он действительно умел разжечь в нём ярость.

Цы Ханьсун толкнул его, Лян Циншэн не устоял на ногах и чуть не наступил в унитаз, но вовремя среагировал.

Цы Ханьсун вцепился в его плечи. В тесной кабинке, где пахло освежителем воздуха, Лян Циншэну стало не по себе:

— Чего ты, чёрт возьми, хочешь?

Цы Ханьсун, вовсе не такой уж хрупкий, с силой прижал его к себе, схватил за запястье и начал тереть его кожу, словно пытаясь стереть её до крови.

Затем он бросился целовать его. Поначалу Лян Циншэн не отвечал, но когда Цы Ханьсун больно укусил его за губу, он перешёл в контратаку. Внутри него ярость трансформировалась во что-то иное. Во рту появился привкус крови, но никто из них не хотел останавливаться.

Лян Циншэн перехватил инициативу, заломил Цы Ханьсуну руки, не давая двигаться, и сам впился в его губы.

— Он держал тебя за руку, и ты позволил? Если он захочет тебя поцеловать, ты тоже позволишь? — Цы Ханьсун отстранился, его губы были ярко-красными, а во влажных глазах сквозила сдерживаемая ревность.

Уголок губ саднило. Никто из них не жалел сил, кусая друг друга до боли, выплескивая всё накопившееся раздражение.

— Ты с ума сошёл? — Лян Циншэн провёл языком по ранке, всё ещё кровоточившей. Ярость в его глазах немного утихла, голос звучал ровно.

Цы Ханьсун обнял его за талию и, запрокинув голову, посмотрел на него с обожанием. От его бывлой агрессии не осталось и следа — он выглядел как безобидный ягнёнок, но слова, что он произнёс, были мягкими и холодными:

— Ты только что обещал мне, что мы будем вместе, а через секунду уже возишься с бывшим. Как я мог не разозлиться? В следующий раз, если увижу такое, я разозлюсь ещё сильнее.

Лян Циншэн усмехнулся и сжал его щеки, искажая его гордое лицо:

— Ты видел, как мы держались за руки, но побоялся подойти и заявить свои права... В чём дело? Цы Ханьсун, ты что, трус? Только со мной такой смелый?

Цы Ханьсун на мгновение опешил. Он схватил его за запястья, глядя сквозь свои очки с искренним изумлением:

— Я... я мог заявить свои права?

Он не сразу сообразил, что к чему, всё ещё думая, что они с Фэн Ли тайно крутят роман.

— А как же иначе? Ты ведь сам сказал, что мы теперь вместе, — хриплым голосом проговорил Лян Циншэн, небрежно пожав плечами. Раз он порвал с Фэн Ли, ему нечего было скрывать свои отношения с Цы Ханьсуном.

Цы Ханьсун тут же расплылся в улыбке, прищулив глаза, и в его взгляде мелькнуло что-то опасное:

— Хорошо. В следующий раз, если я увижу, что вы держитесь за руки, я убью его, а потом убью тебя.

Лян Циншэна позабавил этот всплеск агрессии. Он поправил чёлку парня:

— Ты, слабак, который и тяжелее ручки ничего не держал, кого ты собрался убить?

— Хм. — Цы Ханьсун лишь холодно усмехнулся. После госпитализации он не курил, и теперь, сглотнув, посмотрел на его губы и облизнулся: — Хочу курить.

— В больнице курить запрещено, — пробормотал Лян Циншэн, размышляя, не сошёл ли он с ума, раз столько времени препирается с маленьким психом в больничном туалете.

— Поцелуй меня, — Цы Ханьсун крепче обнял его за талию, чувствуя твёрдые мышцы пресса, и снова запрокинул голову.

— Хочешь использовать меня вместо сигареты? — Лян Циншэн посмотрел на него с усмешкой.

— Дашь затянуться? — Цы Ханьсун спокойно смотрел на него. Он был до невероятности красив, словно цветок, за которым бережно ухаживали.

Лян Циншэн сжал его лицо и поцеловал. В отличие от прежней бури, этот поцелуй был мягким, словно весенний дождь.

Пальцы Цы Ханьсуна незаметно скользнули к подолу его толстовки. В следующую секунду Лян Циншэн перехватил его запястья одной рукой и прижал их к двери.

На скулах Цы Ханьсуна проступил румянец, глаза подёрнулись дымкой, губы распухли. Он выглядел возбуждённым.

Лян Циншэн завёл руку ему за спину, обнимая за талию, и тихо спросил:

— Всё ещё хочешь?

— Хочу. — Цы Ханьсун слегка приоткрыл рот, обнажив белые зубы и красный кончик языка, который он с надеждой высунул наружу.

В глазах Лян Циншэна плясали искры, на губах играла улыбка. Он слегка наклонился.

Цы Ханьсун вытянул язык ещё немного, глядя на него влажными, застенчивыми глазами.

Но Лян Циншэн не стал его целовать. Обжигающе горячим дыханием он выдохнул лишь два слова:

— Перетерпи.

Сказав это, он толкнул дверь и вышел, приобняв Цы Ханьсуна за плечо и развернув его в сторону коридора. Холодный воздух заставил парня вздрогнуть. Они пошли по коридору, как лучшие друзья, обнявшись за плечи.

Щёки Цы Ханьсуна покраснели ещё сильнее — от злости. Он прошипел сквозь зубы:

— Лян Циншэн!

Лян Циншэн дёрнул его за плечо, притягивая к себе, и усмехнулся:

— Чего тебе, сынок?

<http://bllate.org/book/21585/2224500>